

Валентин Максименко

Петр Столярский и Исаак Бабель

В нынешнем году исполняется 140 лет со дня рождения Музыканта. В связи с этим неоднократно вспоминали его выдающихся учеников и их питомцев. Мне кажется, что нужно вспомнить и его скромного (по музыкальным успехам) ученика, о котором писали и говорили в связи с осуществлением памятника Писателю в нашем городе.

Среди учеников без преувеличения великого педагога многие достигли мировой известности. Достаточно упомянуть хотя бы некоторых из них – Давида Ойстраха, Елизавету Гилельс, Самуила Фурера, Михаила Фихтенгольца, Бориса Гольдштейна, Натана Мильштейна... Пришла слава и к не достигшему успехов на музыкальной ниве, но завоевавшему мировое признание Исааку Бабелю. Ограничусь сознательно только одной оценкой его деятельности. Максим Горький назвал Бабеля «лучшим стилистом после-революционной литературы». Лучший стилист оставил лаконичные, но, может быть, лучшие, яркие зарисовки Столярского и его учеников, их родных и вообще музыкальной атмосферы нашего города в довоенные десятилетия минувшего столетия.

Ажиотажная увлеченность родителей музыкальным образованием своих чад, в которых они видели будущих Мильштейнов и Ойстрахов, Гилельсов и других «звезд» музыкального искусства, Бабель колоритно воссоздал в одном из своих «Одесских рассказов» – «Пробуждении».

Как в любом важном деле, в обучении детей музыке есть своя «пена», она и стала объектом ироничного внимания писателя. Ретивые родители, «не видя себе ходу, придумали лотерею и устроили ее на костях маленьких людей... Они учили детей му-

зыке. Одесса была охвачена этим безумием больше других городов. И правда, – в течение десятилетий наш город поставлял вундеркиндов на концертные эстрады мира».

Бабелю принадлежит гротескное, но не лишенное внутреннего уважения описание вундеркиндов Столярского – «карликов в кружевных воротничках и лаковых туфельках: в душах этих заморышей (но справедливости ради нужно заметить, что среди этих детей встречались и весьма тучные – мечта многих одесских мам. – **В. М.**) с синими раздутыми головами жила могучая гармония, они стали (далеко не все, конечно. – **В. М.**) прославленными виртуозами».

Самого Учителя Бабель вывел в рассказе под псевдонимом «господина Загурского». То, что прототипом Загурского является Столярский, не подлежит сомнению. От такой детали: Бабель пишет, что «Загурский содержал фабрику вундеркиндов» (любимое в духе времени словечко Петра Соломоновича – «фабрика»). До перечня учеников Загурского с фамилиями... РЕАЛЬНЫХ учеников Столярского. Зачем же «камуфляж»? Бабель намекает читателю, что как автор он оставляет за собой право на преувеличение, гиперболу (хуже поступили, например, Смолич и Плоткин, приписывая в своих «художественных» опусах Вере Холодной черты, далекие от оригинала, к тому же обидные для памяти о выдающейся актрисе, оскорбившие тогда живых ее близких, на что, в частности, обратили внимание одесский киновед Георгий Островский и московский кинематографист Алексей Каплер).

Буквально в нескольких строчках Бабель воссоздал картину дома педагога. Врезается в память описание одержимых мамаш, «истерически воспламененных, прижимающих к слабым своим коленям скрипки, превосходящие своими размерами тех, кому предстоит играть в Букингемском дворце». Эти мамы ждут в прихожей очереди для своих чад, чтобы войти в «чистилище».

«Из кабинета Загурского, шатаясь, выходили головастые, веснушчатые дети с тонкими шеями, как стебли цветов, и с припадочным румянцем на щеках. Дверь захлопывалась, поглотив следующего карлика».

Очень интересно, что художественное описание Бабеля оказалось поразительно близким к документальному, которое принадлежит любимейшему ученику Петра Соломоновича Давиду Ойст-

рагу: «Все углы большой квартиры были заставлены пюпитрами, завалены футлярами, нотными папками, во всех комнатах толпились возбужденные и радостные малыши, а в коридоре сидели мамы, ожидавшие вундеркиндов и с невероятным оживлением обсуждавшие чисто профессиональные скрипичные проблемы».

Супруга Петра Соломоновича Фрида Марковна рассказывала: «Он не знал, что такое свободное время... в нашей квартире не утихали звуки скрипок с раннего утра до позднего вечера... спрятаться от звуков было невозможно, ибо в каждой комнате, в каждом коридоре, даже в ванной кто-то стоял со скрипкой и что-то разучивал...».

Конечно, особый интерес представляет для нас описание Бабелем Загурского-Столярского в его если не молодые, то зрелые годы, ибо в большинстве воспоминаний перед читателями предстает старый, убеленный «благородными сединами» Петр Соломонович. «За стеной, надрываясь, пел, дирижировал учитель с бантом, в рыжих (не седых! – **В. М.**) кудрях, с жидкими ногами. Управитель чудовищной лотереи, он населял Молдаванку и черные тупики Старого рынка призраками пиччикато и кантилены».

Здесь мне хочется обратить внимание на слова – образ – «жидкие ноги». В начале первой мировой войны (этот факт не широко известен) Столярский был мобилизован, но всего на неделю: по состоянию здоровья музыкант был освобожден от воинской повинности. Он был спасен от почти неминуемой гибели, спасен для мировой культуры, хотя об этом не имели понятия люди, в руках которых была жизнь Педагога. Однако Столярский не ушел в кусты. Его вклад в защиту родины был осуществлен на языке искусства: ученики Петра Соломоновича играли для солдат и матросов в госпиталях, на призывных пунктах, а сборы с «гражданских» концертов шли в фонд помощи раненым.

...Бабель создал несколько шаржированный портрет Учителя, но поражающий образностью и проникновением в суть. Ирония же писателя прощительна, в частности, и потому, что его рассказ проникнут самоиронией, признаком благородства пишущего – одной фразой он расправляется со своим собственным «музыкальным дарованием»: «звуки ползли с моей скрипки, как железные опилки». Замечательный образ.

Насильственно отданный родителями в обучение к выдающемуся педагогу, который занимался с Исааком из уважения к его деду, мальчик, не ощущая призвания, инстинктивно протестует против нелюбимого дела. «Проигрывая скрипичные упражнения, я ставил на пюпитр книги Тургенева или Дюма, и пиликаая, пожирал страницу за страницей».

Да что не одаренный музыкально ученик выдающегося педагога! Примерно в те же годы, о которых рассказывает Бабель, «сам» Додик Ойстрах, лучший из лучших учеников Столярского... подрезал струны или волос смычка, обычно в пятницу вечером, чтобы быть свободным от немилых упражнений до понедельника, когда откроются магазины.

А его сын Игорь вспоминал, что однажды уже Давид Федорович застал его, Игоря, «играющим этюд и в то же время читающим стоящий на пульте журнал. Он был настолько возмущен, что ничего не говоря, стал отнимать у меня скрипку и смычок, я же отчаянно в них вцепился».

Естественно, нас не может не интересовать, знал ли Столярский о своем «портрете кисти» Бабеля и, если знал, то как к нему относился. Знал. Не обиделся. По свидетельству очевидца, он сказал: «Бабель неплохой фотограф. Узнаю себя, несмотря на ретушь». Какое нравственное здоровье: не только не обиделся на некоторое шаржирование, но даже отметил «ретушь». Невольно вспомнился Пушкин, который сказал об одном из своих портретов: «Себя, как в зеркале, я вижу, но это зеркало мне льстит».

Мне думается, что музыканта и писателя сблизил и своеобразный язык Петра Соломоновича (о лексиконе Столярского см. альманах «Дерибасовская – Ришельевская», кн. 44, где я подробно рассказываю о нем на основе свидетельств современников музыканта) и язык героев Бабеля. Бабель черпал его из разных источников. Петр Соломонович был одним из них...

...Петру Соломоновичу и Исааку Эммануиловичу довелось встретиться и много позднее, чем было осуществлено «портретирование». Педагог в славе. На всеукраинском конкурсе его ученики завоевали все призовые места. В 1933 году на Первом Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей третьей премии удостоен ученик Столярского Самуил Фурер (этот конкурс был вообще

успешным для одесситов: вспомним вторую премию Ольги Благовидовой, первую Эмиля Гилельса). Два года спустя на Втором конкурсе Столярский триумфатор: первая премия у Давида Ойстраха, вторые премии с москвичами разделили Елизавета Гилельс и Михаил Фихтенгольц, среди лауреатов третьей премии М. Гольдштейн. В ленинградскую гостиницу к Петру Соломоновичу пришел поздравить Учителя с успехами воспитанников его не сделавший музыкальной карьеры ученик Исаак Бабель. Маэстро узнал его, был рад встрече. Бабель с грустью отметил, что памятная ему рыжая шевелюра теперь кажется ему «натертой канифолью». Что ж, за минувшую четверть столетия музыкант стал седым.

По воспоминанию очевидца встречи Столярского и Бабеля Михаила Гольдштейна, Бабель сказал, что необходимо писать книги о великом педагоге. Сам мемуарист написал и издал в Израиле, на мой взгляд, не лишённую тенденциозности небольшую книжку, в которой Столярский предстает перед нами чуть ли не борцом с советской властью и даже всесильным КГБ, что совершенно невероятно. Кроме того, в этой работе есть отдельные неточности и ошибки.

В Одессе была издана содержательная работа Натальи Ломоносовой, посвященная Петру Соломоновичу, но это скорее брошюра, чем обстоятельная монография. С изданием большой книги нужно спешить: неумолимое время уносит воспитанников Столярского и их питомцев.

Дело Столярского в консерватории ныне продолжает профессор М.А. Турчинский, который учился у Петра Соломоновича в 1939-41 годах. Михаил Аркадьевич мог бы дать содержательный материал об Учителе. Толчком же к появлению книги могут стать два приближающихся юбилея – столетие консерватории (которую, к слову, ныне украшает портрет профессора Столярского, хотя в двадцатые годы прошлого века некоторые педагоги противились привлечению его к работе в этом вузе) и 80-летие школы имени П.С. Столярского. Только нельзя медлить... Да и до юбилеев-то всего около двух лет остается.

Готов предложить малоизвестный материал в будущую книгу.